

ЗА НАУКУ

Орган ректората, парткома, профкома и комитета ВЛКСМ Московского ордена Трудового Красного Знамени физико-технического института

Газета выходит с 1 сентября 1958 г. № 29 (547)

Понедельник, 20 октября 1975 года

Цена 1 коп.

ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

— первая из методологических проблем высшего образования, по мнению министра высшего и среднего специального образования РСФСР И. Ф. Образцова: «Значение этой задачи исключительно велико. По мере своего развития, по мере совершенствования технической основы современного производство выдвигает потребность максимально использовать интеллектуальный потенциал каждого работника. Воспитание творческих начал каждого специалиста — основа успеха.

Нельзя не учитывать и социальную сторону вопроса. Односторонняя профессионализация личности в ущерб ее общекультурному развитию противоречит задаче формирования гармонически развитого человека коммунистического общества.

Именно потому так важно будущему специалисту наряду с хорошей специальной подготовкой обладать высокой культурой, знать историю и литературу своего государства, историю науки и техники, основы педагогики и психологии. Все это в разумном объеме и различными путями (через факультативы, внеучебную работу и т. д.) обязаны дать своим питомцам высшие учебные заведения».

О факультете общественных профессий в МФТИ наша газета уже писала. Как в отдельных статьях, так и большими подборками. Сейчас мы хотим увеличить портрет только одного слагаемого ФOPP — школы журналиста.

Этот номер состоит из материалов, написанных ш-жатами и из статей о самой ШЖ.

ШЖ — веселое сочетание шипящих, скрывающее единство «противоположностей»: физтеха и журналистики, — вновь замелькало на стенах, стендах и досках объявлений. Второй раз в истории института школа открывает набор слушателей.

Эксперимент удался

— Если уж на физтехе чего-нибудь захотят, то не беспокоиться — сделают, — такова была реакция будущих преподавателей на предложение участвовать в организации школы журналиста. Разговор происходил в бюро ВЛКСМ факультета журналистики МГУ. А через несколько дней четверо студентов-старшекурсников университета, сопровождаемые почетным эскортом физтеховской дружины, продефилировали перед корпусами МФТИ. Рождение состоялось!

А школа была нужна обязательно. Идея ее создания возникла во время одной из прогулок по безрешовой роще, когда дебаты о положении в институтской печати продолжались несколько часов. «За науку» не раз выступала с этим вопросом: положение осложнилось кризисом кадров, непрофессионализмом, редакторы стальных газет в ответ на критику требовали журналистского «ликбеза» в редакциях. Нужен был центр, призванный поднять уровень творческой работы, концентрирующий общение на самых разных началах, результатом чего, как правило, оказываются «открытия себя» и открывания для редакций. Так что появление школы было исторически обусловлено.

Оправдала ли себя идея?

Эксперимент удался

Мы до сих пор не уверены, принадлежит ли физтеху приоритет в организации подобной школы в техническом вузе, и сравнивать нашу деятельность было не с чем. Дело в том, что программы занятий, составленные для школ журналиста в гуманитарных учебных заведениях, следуют определенному стереотипу, сложившемуся на факультетах журналистики, и учесть физтеховскую специфику не могут. Это явилось реальным затруднением для преподавателей — студентов МГУ. Действительно, где можно найти тему лекции «Должен ли ученый быть журналистом?», прочитанную на последнем занятии членом комитета ВЛКСМ МФТИ С. Чернышевым? Поэтому экспериментировать приходилось на протяжении всего учебного года. Тем не менее, объ-

единение под одной крышей гуманитариев и физтехов принесло свои плоды.

В нашем «рассаднике» многие пробовали перо и не без успеха. «Слушатель ШЖ» — вам не раз попадала на глаза такая подпись

под корреспонденцией в «За науку», в стеновой печати опубликовано несколько десятков статей и заметок, причем многие из них вовсе не папамяют «сырой» материал.

«...Кто не понимает ничего, кроме химии, тот и ее понимает недостаточно».

Г. К. Лихтенберг.

Итак, наша школа журналиста, уже ставшая достаточно известной на физтехе, вступает во второй год своего существования.

Прежде всего, чисто утилитарное назначение нашей ШЖ. Ни для кого не секрет, что в стеновой печати, да и в «За науку» тоже, появляются материалы, мягко говоря, недостаточно квалифицированно написанные. Физикам и математикам трудно овладеть искусством «изящной словесности». Если в школе и появилось желание и время «немного пописать», то, придя в институт и заблудившись в лесу интегралов и мировых констант, очень немно-

го научный коллектив дает оптимальный выход только тогда, когда в нем работают люди как с узкой специализацией, так и ученые с широким образованием, способные собирать сливки с научных результатов и осмысливать их. Любимый мною Лихтенберг сказал: «Люди, слишком выходящие в тонкости, редко бывают великими людьми, и их исследования большей частью настолько же бесполезны, насколько и тонки». Физтех дает достаточно широкое научно-техническое образование, и мы попробуем дать толчок в сторону другого полюса, на котором обитает так называемая «традиционная культура».

Вот только две из тех задач, которые ставит перед собой ШЖ. Остальные вы сможете узнать,

Эксперимент удался — эксперимент продолжается

«Повлияло ли на ваши публикации обучение в ШЖ?» — всякий раз на зачете задавался этот вопрос. Общее мнение: иной раз и косвенно, но несомненно, а кое-кто вообще получил направленный выход внутренним брожениям. Впечатления журналистов из МГУ: работа была очень интересной, чувствовали отдачу, «много приятных и развитых ребят», было бы время, избежали большинство накладок. Все сохраняют надежду, что и рабочие, и дружеские контакты учителей и учеников не прервутся.

Что ж, хотя из 140 записавшихся только около тридцати успешно добрались и прошли зачет, физтеховская журналистика пополнила свои ряды уже профессиональными кадрами. Вчерашние слушатели взяли в свои руки руководство школой. Хочется думать, что и в этом году эксперимент будет плодотворно продолжен, подарит новые открытия, превратит школу в активного помощника физтеха, стремящегося к росту своего потенциала разносторонности.

А. ЛЕОНОВИЧ, директор ШЖ 1974—1975 гг.

гие найдут в себе силы вырваться из своих трех сосен и взяться за перо.

Но и те энтузиасты-одиночки, которые преодолеют внутри себя барьер, разделяющий их техническое образование и гуманитарное начало, даже они, имеющие что сказать человечеству, сталкиваются с новой непреодолимой задачей: как сказать, или, точнее, как написать? Ибо желание писать еще не означает умение писать.

Во время наших разговоров с будущими преподавателями ШЖ — студентами факультета журналистики МГУ, — они категорически отрицали возможность обучения публицистическому мастерству. Мы надеемся, что к нам в школу придут люди с некоторой долей призвания к журналистике, и уверены, что присовокупив к ней нашу долю профессионализма, они будут отличаться от дилетантов.

Кроме того, социологическими исследованиями было установлено,

придя на первое занятие. О них в своей вводной лекции расскажет Сергей Чернышев — комсомольский редактор «За науку». Итак, мы приглашаем всех тех, кто хочет раз в две недели общаться с журналистами и пробовать свое перо на страницах «За науку».

Н. НИКИТИНА, директор ШЖ 1975—1976 гг.

Студентка факультета журналистики МГУ Г. МУРАВИНА — преподаватель ШЖ.

ЭХО

За два семестра прошлого учебного года в ШЖ проведено 10 занятий. И это, конечно, мало.

Но все-таки эти занятия послужили благому делу «взрачивания кадров» для нашей многотиражки и стальных газет, а в будущем — и научных журналистов.

Итак, мы пришли в ШЖ, уселись в 123Г, приготовили ручки и тетради: сейчас начнется лекция. Но записываем мало, слушаем рассеянно.

Сейчас, подводя итоги, могу сказать, что о лекциях сохранились самые смутные воспоминания.

«Занудная» атмосфера наших семинаров (их вел Сергей Чернышев — какая у него должность, я не помню), столкновение с совершенно новыми для меня идеями разбудили огромное желание — писать! А я еще на самом первом занятии ШЖ услышала: надо знать о чем писать и как писать. Я послушала о том, что говорилось на семинарах, побывала на заседании редакции, кажется, поняла — о чем. Но как?! Проклятый вопрос! Когда я первый раз брала интервью, не

знала, с какой стороны — подступиться к человеку.

На семинарах нам читали материалы из «За науку», рассказывали, о чем и как написано; хорошо или плохо. Но — мое ли это индивидуальное качество, многие ли скажут — «на слух» учиться писать нельзя. Надо измарывать кучу бумаги, гоняясь за «тем самым» словом — и научишься. Нам давали домашние задания, но мало, да и мы, признаваясь, были не особенно прилежны. «Преддипломная практика» в «За науку» — это дело, но за полгода напечатать от силы дватри материала. В результате с занятий ШЖ я вынесла глубокое, но чувствую сама, прочное убеждение: как напишется — так и ладно, «техника писания» — вещь интуитивная, влиянию извне не поддается, — а ведь у ШЖ как раз обратная цель.

«Журналисты» из МГУ учили писать. Но они далеки от нашей многотиражки. Законченный круг?

Но я все-таки надеюсь, что в будущем году ШЖ сумеет из него выбраться. И еще: в школе я писала с удовольствием, на первом курсе это желание пришло, а теперь снова гложет меня — именно благодаря ШЖ. О. ВОЛДИНЕР.

МЫ БЫЛИ

ЭМОЦИИ

Закончился первый учебный год в школе журналистики. Можно подвести итоги. Оценить их однозначно довольно трудно. Но вот недавно у меня состоялся разговор с учащимися моей группы примерно такого содержания.

— Не жалеете, что целый год потратили на приобщение к журналистике?

— Конечно, нет! После летних каникул снова придем в ШЖ.

— Учеба для вас закончилась, коллеги. Школа-то наша односторонняя. Так что первый курс будет и последним.

— Как же так? Мы надеялись не менее, чем на второе высшее образование. А может, продолжим?..

Не скрою. Было приятно на прощание услышать такие слова. И очень хотелось мне ответить ребятам на их вопрос: «Ну что ж, продолжим, пожалуй». Но суровая действительность была такова, что им предстояло сдать зачет и получить свидетельство об окончании школы, а нам подумать о том, кем занять вакантные места на «кафедре журналистики».

Знакомьтесь:

КРАТКИЙ ИТОГ

Приведенная выше блиц-беседа дает мне основание сказать, что задача-минимум (по крайней мере первого года ШЖ) — заинтересовать ребят журналистским ремеслом, раскрыть круг проблем, творческих, социально-политических, экономических, которые каждый день приходится решать газетчикам, — выполнена. Жизнь показала, что мы реализовали и программу-максимум — привлечь студентов к работе в стальных газетах и многотиражке. Еще до окончания академического года некоторые из слушателей школы журналистики выступили в факультетских органах и «За науку».

Немного само- и просто критики

Естественно, мы отдаем себе отчет в том, что несмотря на достижение конечных результатов, не все в нашей работе было гладко. Порой, мы в наших лекциях грешили излишним теоретизированием, возможно, иногда в них осве-

Первыми

щались не те вопросы, которые интересовали физиков. Но и «школьнички», если говорить языком учителей, не всегда отличались примерным поведением. Я не могу понять тех, кто, желая писать в газету и считаясь слушателем ШЖ, не был хотя бы на тех лекциях, прикладной характер которых пренебрежен и прослушать которые было просто их долгом (например: «Проблемы журналистского мастерства», «Выбор темы и ее разработка», «Дифференциация газетных жанров»). Многие так и не написали заданных материалов. А ведь практика — основа познания жизни и журналистского творчества в том числе.

Все хорошо, что хорошо кончается

Однако не будем удлиннять плохое. В конце концов хорошего было больше. После естественного отбора в группах остались ребята, с которыми нам, преподавателям, было интересно работать. Они, несомненно, будут писать. (А ведь кое-кто уже сейчас пытается найти выход... в художестве.) (Окончание см. на 2-й стр.)

Ремонтники

Проблема дня

Физики

Жизнь

Получив задание написать о том, как II курс собирал картошку, я крепко задумался: все то бесчисленное количество статей, написанных по этому поводу, было сделано с юмором или, по крайней мере, с претензией на оный, хотя картошка такое же веселое дело, как и клоун в цирке, бьющий по лицу другого клоуна. Так что же я, юморист похоронного толка, могу сказать нового и смешного на эту тему?

И вот, в пику всем предшественникам, я решил написать серьезно.

Хотите работать

РЯДОМ НАМИ

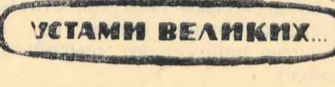
и печататься

научиться писать

и брать интервью

пополнить свой

Сделать это можно

в школе журналиста и газете

Связывайтесь с нами

НА 2-11
ТЕЛЕФОН

Записаться в школу журналиста можно в понедельник, вторник и субботу с 19.00 до 21.00 в редакции «За науку» (второй этаж лабораторного корпуса).

Первое занятие в школе журналиста состоится в среду, 22 октября, в 22.00.

Лекцию «Должен ли ученый быть журналистом» прочтет Сергей Чернышев.

На этот счет редактор посоветовал: «Вставляй как можно больше всяких умных слов и цитат из классики». Ладно, думаю, против цитат не попрут, а вот с умными словами у нас туговато, поэтичку напишешь пером, а потом хоть с топором иди доказывай, что тебя неправильно поняли. Нет, уж пусть лучше титаны отдуваются за все ими в свое время сказанное, но то они и титаны.

Вот так и получился:

ОТЧЕТ О СБОРЕ КАРТОФЕЛЯ ВТОРЫМ КУРСОМ ФРТК

Per aspera ad astra.
(Сквозь ботву к звездам).

«Как ныне собирает вещи... Олег» (А. Пушкин), но «были сборы не долги» (песня). До Серпухова доехали быстро и без приключений.

Там нас построили и посоветовали: «Любишь кататься — поезжай в кузов» (посл.). Сиденья жалобно закричали под счастливыми; счастливицы запищали, придавленные собственными рюкзаками; рюкзаки солидно звякнули, когда на них взгромоздились неудачники, закричавшие под спудом летнего жирка.

Впрочем, скоро были на месте. Лагерные повара, строго блюдя древний завет о завтраке для себя, обеде для собаки, и ужине для врага, с последним не торопились. Намеки, навряд ли, какими пользовался О. Бендер, на них не действовали, и только в семь часов по нью-йоркскому времени нас позвали, и мы имели возможность наблюдать образец исключительной чуткости к нашему слабому здоровью — диетический ужин, ибо «даже молодой здоровый хищник не станет есть мяса, если оно дается по принуждению и, к тому же, не им выбрано» (Эйнштейн).

Спали плохо, зато встали хорошо (в последующие дни было наоборот). Умылись, оделись, получили по тысяче калорий, неважно, в каком виде — наукой установлено: ровно столько содержится в 14 литрах уксусной

кислоты — и попрыгали в автобус. Ездили мы много и все больше с песнями «чтоб никогда и нигде не пропасть».

Наконец, вот оно — поле. Ложим на траве, как говорят англичане: «Из темного угла да на теплое солнышко», и думаем, созерцая груды мешков и корзины: «Брать? Нет, еще рано» (майор Пронин).

Да, нетрудно согнуть и без того сутулую от толстых стекол на носу спину физтеха, но покажите мне того, кто видел физтеха на коленях? Нет, вы не найдете таких, вы найдете видевших, как физтех, преклонив колени перед Матерью — землей, вгрызался в нее и давал, давал, давал так, что на веки вечные обрел право всех, не бывавших на картошке, называть «салагами».

Однако, зачем мне описывать бесконечно длинные полосы, малые радости, хронические дожди и проливные насморки? Физтех не увозит с собой воспоминания о поясничных болях и сплошных мозолях, он увозит простой и добротный вкус печеной картошки во рту. И, вконец запутавшись, а запутавшись, затосковав, я могу лишь сказать, что работали мы хорошо.

А иначе нельзя, ведь «do ut des», что в переводе с латинского на английский, а с английского на русский выглядит примерно так: «Пусти хлеб по реке, и он вернется к тебе с маслом».

В. КОРМИЛИЦЫН,
выпускник ШЖ.

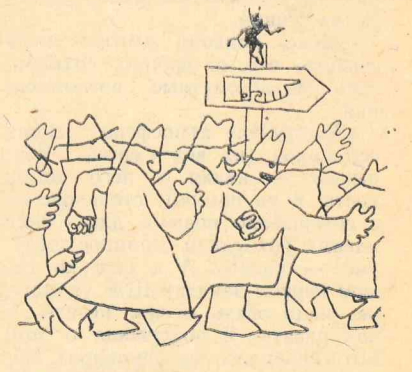
КАК ЧЕРТИ ЛЮДЕЙ ВАРИЛИ...

ФАНТАСТИКА

Как-то ад получил новую партию грешников. Грешники были как новенькие, почти без изъянов, ну хоть сейчас в рай перелавай. Однако была в них какая-то однобокость: половина все сплошь физики, а другая — журналисты. И ни одного нет, чтобы серединка на половинку, либо еще какой-нибудь, либо, чтоб физик — но стихи писал, или журналист — но пробки чинить уметь. Нет. Одни — все, без посторонних примесей. А из такого сырья какой толк получится может? Никакого, если сунуть их к чертовой матери и спокойно обжаривать по одному. А вот если метод какой новый применить, если раскинуть мозгами... Решили черти на эксперимент: гастрономо-социологический. Свезли все это добро в экспериментальный цех, где уже стояли три новеньких котла с автоматической отводкой выпадающих в осадок грехов великих и всплывающих на поверхность мелких прогрешений. Засыпали все три котла. Причем первый только физиками, второй — только журналистами, а третий — фифти-фифти, один к одному и теми и другими. Поддали, где надо. Добавили, чего следует. Помешивали, чем инструкция велит. Долго варили. Два семестра. Каждую вторую среду жару прибавляли, гайки завинчивали, пробу снимали. Время расчетное вышло. Пришли дегустировать. Зачерпнули в первом котле — сплошные в ковше кандидаты да доктора наук, чистенькие, аккуратненькие. Но сорт тот же — физики. Сунули тогда во второй котел багор — вытянули целую связку собственных, развездных и специальных корреспондентов. Тоже чистенькие, тоже безгрешные, но опять старый сорт — журналисты. Никаких метаморфоз.

Последняя надежда, у входа в ад не оставленная, на третий котел. Обычной ложкой зачерпнули, вытягивают, глядя — барахтается что-то. И благоухает. «Черти вы полосатые!» — вскричал самый старый, колченогий и мудрый дьявол, — Человека выварили. Разумного. Гармоничного. Тащи их всех из котла. Тепленькими будем в рай отправлять. А то ждалась там. Да и нам-то такого искушать приятно! Эх-ма, наконец-то!». Закипела работа — тянут из третьего котла одного за одним. Никто друг на друга не похож, а все люди. Все разные, а единство какое-то есть. Приком и грешки мелкие остались, а смотришь — любо-дорого, глаз радуется, душа поет. Люди, словом, высший сорт, качество. Люди. Перетаскали всех их черти в рай, заселили там все сады и кущи. Многих из первого и второго котла тоже отволокли. Не эталон, конечно, но, глядишь, эволюционируют. А вместо третьего котла построили черти целый завод, наладили поточное производство себе на радость, а человечеству на немалую пользу. А окружающую среду тот завод почти не загрязняет. И никто не знает почему.

Виталий ТРЕТЬЯКОВ.

МЫ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

(Начало см. на 1 стр.)

венную литературу. Владислав Кормилицын принес на семинар рассказ, а Оля Петрова уже на зачете показала мне свои стихи). Пока их творения еще слабы. Но мы надеемся, что знания, полученные в школе журналистики, они «запишут» в свой творческий «актив», и это в совокупности с постоянным трудом с пером в руках поможет им стать хорошими корреспондентами родной многотиражки, а в будущем (чем черт не шутит) и изданий покрупнее.

Ну а мы, преподаватели, сделаем все от нас зависящее, чтобы

все «школьники» сдали зачет, и начнем подыскивать себе смену.

ПЕРВАЯ ТРАДИЦИЯ В ШЖ!

А что касается прогулов лекций... Так ведь это прекрасная древняя традиция. В любом порядочном учебном заведении этот обычай существовал во все времена. А чем наша alma-matushka хуже?

В. ЯКУБЕНКО,
преподаватель ШЖ,
студент факультета журналистики МГУ.

Автограф в зачетке

ЗА ЧТО МЫ ЛЮБИМ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ Б

Преподаватель Б! Пожалуй, это первое, что узнаешь, поступая на физтех. Мало найдется людей, которые, еще будучи абитуриентами, не слышали бы этого имени.

Много ходит о нем од, легенд и сказаний. Пора, пожалуй, рассказать, что это за человек, сбросить пелену таинственности, окутывающую эту колоритную фигуру.

Наверное, кое-кому из читателей доводилось приходиться на экзамен с несданным заданием. В том же положении оказался тогда и я. Жесткие обстоятельства привели меня на экзамен с нерешенной задачей, из второго задания по математике.

Не буду рассказывать о вопросах, предложенных мне. Как говорится, везде хорошо, где нас нет. Увлечшись опросом моих соседей, преподаватель часто забывал обо мне, и я с благоговением слушал его голос, смотрел на его спокойное лицо, светящееся уверенностью в наших силах.

Вот он заглядывает в лежащую перед ним обшную тетрадь, испанскую убористым, каллиграфическим почерком, и задает вопрос на пять баллов только что подсевшему студенту, хорошо поставленным голосом положившему зачетку на стол. Ага, не так давно заглядывал я в четвертый том Фихтенгольца и видел там эту задачу как пример принципиально нерешаемой! Час, другой, третий... По глазам вижу — решение близко, вот-вот... но все время куда-то ускользает. Преподаватель его не торопит — и он прав... И наконец-то, спасительный, возвращающий веру в себя вопрос на четыре балла.

Вот заканчивает ответ представительница счастливого пола. Ей приходится тяжело. Следует последний, «гамлетовский» вопрос: «Сколько измерений имеет трехмерное пространство? Скажете «три», ставлю «три», скажете «два», ставлю «два». Следует молниеносный ответ: «четыре». Конечно, в трехмерном пространстве три измерения, поэтому просьба девушки удовлетворена быть не может. Получив «три», она ух-

дит. Рыцарство редко в наше время, и особенно на физтехе. Так, вошедшая в притчу доброта преподавателя Б получает еще одно яркое подтверждение. И строчки моего оstonадовешего задания вновь зацветились радугой.

А тем временем мой опрос идет своим чередом. Вопрос следует за вопросом. Каждое слово по отдельности понятно. Формулы тоже. Но все вместе... И вновь предложение наполняет меня перед знаниями и пытливостью мэтра. Его вопросы ко мне иссякают, но он великодушно бросает мне последнюю соломинку: все еще отвечающему «отличнику» предлагается задать мне вопрос на «два с плюсом». В его глазах я вижу свой приговор, и плюс исчезает. Происходит короткий диалог: «Ваши знания уникальны, мне хотелось бы встретиться с вами еще раз, а пока я ставлю вам в ведомость «недопуск». «А, может быть, все-таки поставите «два»? «Двойку, молодой человек, еще надо заработать». И он ласково посмотрел на моего еще не сдавшего соседа.

Закончив, он с любовью рассматривал мою зачетку, а потом молча пододвинул ее мне. О многом хотел я еще с ним поговорить. Набралшись храбрости, попросил его уделить мне пару минут. Он поднял на меня глаза. В них что-то засверкало. «Как, вы еще не довольны?!». Я почувствовал, что исчезаю, растворяюсь в этом взгляде. Очнулся я уже за дверью, крепко сжимая в руках зачетку. Последнее, что я слышал сквозь охвативший мое сознание туман, были слова, обращенные к моему соседу: «На «три» вы, конечно, знаете, вы даже на «четыре» знаете, но можете знать лучше, а потому можете и пересадите».

Р. АРКАДЬЕВ,
выпускник ШЖ.